

Элла Леус

Переведи меня...

Майданная конфабуляция*

Повесть из цикла «Високосные дневники»

Переведи меня через майдан,
Через родное торжище людское,
Туда, где пчелы в гречневом покое,
Переведи меня через майдан.

Переведи меня через майдан, –
Он битвами, слезами, смехом дышит,
Порой меня и сам себя не слышит.
Переведи меня через майдан.

Переведи... майдана океан
Качнулся, взял и вел его в тумане,
Когда упал он мертвым на майдане...
А поля не было, где кончился майдан.

В. Коротич, перевод Юнны Мориц

В 2012 високосном году, в самый солнечный день оттепели, 29 февраля, состоялось последнее празднование Джульеттино дня рождения. Семейные посиделки в одичалом садике фон-танской

---

* Конфабуляция – лат. *confabulari*, болтать, рассказывать – ложные воспоминания, в которых факты, действительные либо видоизмененные, переносятся в иное, часто в ближайшее время и могут сочетаться с абсолютно вымышленными событиями.

дачи* завершились спасением соседского кота, орущего из-под внезапно обвалившейся крыши ветхого домика. Счастье, что под эту крышу редко ступала нога человека, разве что за кое-какой кухонной утварью, хранившейся в скрипучем серванте с незапамятных времен. Как только трясущегося кота достали, Джулию осенило – с днями рождения покончено!

Нет, умирать Джулия Михайловна совсем не собиралась. Была вполне здорова и моложава – законного полтинника ей никто не давал. А собиралась она, наоборот, продавать участок, о чем оставила объявление с номером телефона на изгрызенном рыжей ржавчиной почтовом ящике.

– Помаду французскую всю извела, все равно бумажку твою ветром унесет, – ворчала Джульеттина племянница, оглядываясь на отслуживший свое мангал, испускающий последний дымок под мощным стволом вековой груши.

– Сегодня же вечером какой-то ушлый риелтор позвонит, вот увидишь, у нас в Одессочке главное, чтоб слух пошел, – успокоил Сергей Михайлович, торопящийся за покидающими дачу родственницами, сестрой и взрослой дочкой. – И тебе копейка не помешает к свадьбе, а то, пожалуй, от будущего зятя толку ждать нечего.

Племянница показала отцу язык и обогнала процессию. Джулия молчала. Думала о рухнувшем дачном домике, который словно ждал целых четыре года хозяев в гости, чтобы в их присутствии торжественно приказать долго жить. Думала о дележе вырученных от продажи денег между родными. Думала, что давно нужно было продать эту рухлядь и увезти Борю на лечение за границу, пока не вышли сроки. И ни с кем не советоваться, никого не слушать, даже его. А тем более ненасытную сестру и чересчур щепетильного брата. Теперь-то все равно, когда и почему...

Продали на удивление быстро и дорого. С другой стороны, чему удивляться? Фонтан** ведь. Долги возвратили – и Сергей, и Джулия. И на скромную свадьбу племяннице отложили. Сестре Ирине, живущей в Италии, не сообщали. Потому что не знали адреса.

---

* Дача в районе Большого Фонтана

** Большой Фонтан – исторически элитный район Одессы.

На оставшиеся деньги Джулия заказала на могилу Бориса гранитное надгробие. Чтобы не хуже, чем у людей. Всю жизнь терпеть этого не могла, а тут – смирилась. Пусть будет, как принято у нормальных, не у высокосных.

Итак, последний высокосный день рождения давно похоронен в катакомбах Джульеттиной памяти. А они глубоки, душни и пугающе темны. Они абсолютно не пригодны для жизни, однако в них продолжают жить, беззаботно и безропотно, как в трущобах Молдаванки. Кто обитает там, лучше не спрашивать Джулию. Потому что не ровен час спустится она по скользким ступеням и заплутает в поисках высокосной потери.

Лучше пусть позовет из своего полусна. Ночь-полночь не преграда для него. И вот он уже сидит на краю постели и гладит ее руку. Борис... Он любит брать ее за руку, легонько дуть на пальцы и в ладонь, особенно в ладонь. Ей щекотно, она хихикает, но руки не отнимает. Потом прижимается к нему, кладет голову ему на плечо и слушает его шепот. Который похож на прибой.

– Он опять появился? Этот твой Гоша. Значит, я был прав, когда не верил в его исчезновение. Не верил, что он от тебя отказался. От таких Джульетт не отказываются. Я точно знаю.

– Брось, родной, мне почти пятьдесят. А у него семья. У него пузо капитанское и седая борода. Мы устали, Боренька. Я устала. Да и он тоже.

– Ничего похожего. Он просто ждал удобного случая, чтобы к тебе подкатить. Любовь, сама понимаешь. Вспомни, как у Бердяева^{***}: любовь внеродовая, Афродита небесная, не ведущая к рождению и дроблению индивидуальности, с ней связана тайна бессмертия... Так, кажется.

В ответ она целует сухие Борины губы, и они становятся влажными от ее слез. И солеными, и горьковатыми, как морская вода. Конечно, они не стали бы такими мягкими и податливыми, не целовали бы так жарко, если бы он сердился. Впрочем, сердитым он никогда не приходит, сколько ни зови.

---

^{***} Бердяев Николай – философ, автор трактата «Эрос и мораль» и др.

Вообще, его неизменный отклик на ее зов – не более чем иллюзия. Борис всегда приходит сам, по собственному желанию. Ведь он всегда был таким своевольным. Так с чего ему меняться теперь?

– Ты остался прежним, таким я увидела тебя впервые. Помнишь? Разве что виски слегка побелели, – говорила Джульетта каждый раз вместо приветствия.

Она неизменно ведет себя так, словно это их первая встреча после долгой разлуки. И последняя.

– Черта с два! – отвечал Борис, отводя длинную каштановую прядь с ее лба. – Теперь я сущность ночная, аки вампир. С некоторых пор у меня стойкая асистолия*, как однажды назвал это мой невезучий реаниматолог. Но мой туттам еще трепещет. В этой комнате, в абрисе окна, более всего – в твоих зрачках... Ты ведь не забыла, что такое туттам? Хотя, разумеется, помнишь. Память – это он и есть. Я забыть не позволю. Хочется возразить? Ищи аргументы. Тебя всегда можно было подразнить чем-то трансцендентным**.

– Я не вижу цвета твоих глаз, только свет, – тревожилась она.

– Поверь, они по-прежнему разные, такие, как ты привыкла, один карий, другой – зеленый. Или наоборот? – Борис смеялся беззвучно.

Она просыпалась живой и смертельно влюбленной. Заново и непрерывно.

* * *

Борис умер в високосном 2008-м от третьего инфаркта. Мок ноябрь, студенился туманом. Денег на похороны в доме не оказалось. Все, что заработали эти двое за четверть века, ушло на ремонт маленькой старой коммуналки, оставшейся за Борисом после смерти дряхлой соседки. А затем их с Джульеттой время начали жадно отнимать больницы. Их дни, недели, месяцы... Палаты, врачи, аптеки... Дорогие обследования, дорогие препараты.

---

* Асистолия – отсутствие систол, сердечных сокращений.

** Трансцендентное – термин, возникший в схоластической философии и характеризующий все то, что выходит за пределы чувств.

В последний свой год Борис вел всего несколько дел, да и то почти бесплатно. Респектабельные коллеги пожимали плечами – непонятная тяга Бориса к безнадежной защите неприметных и безответных жертв ментовского произвола шевелила в их изощренных адвокатских умах смутные тени угрызений совести. Тут их настигал невроз и они обращались за советом к знакомому психотерапевту. Джулия Михайловна консультировала этих степенных и циничных деятелей, давая невозможные скидки как сослуживцам мужа. Зато похоронить Бориса они помогли, молча вложив в ее безвольную руку пухлый конверт с деньгами. Один, с двумя айфонами в кармане от Армани, скользя итальянскими подошвами в кладбищенской грязи у могилы, долго говорил о чести Бориса, которая для настоящего офицера не пустой звук, а самое настоящее сокровище.

Джульетте хотелось домой, ее клонило в сон, в преддверии которого можно будет услышать его туттам...

* * *

Джульетта с самого утра чувствовала себя немного уставшей, невыспавшейся. Ночью снова приходил Борис. Туттам звучал громче обычного. Недосказанное измучивало. По всему было видно, что ей пора опять прибегнуть к антидепрессантам. И жизнь снова станет вполне приемлемой, сносной.

В дверь настырно постучали. Она никого не хотела видеть – до первого клиента полтора часа, оставили бы все ее в покое. Но легкая картонная дверь кабинета в офисном центре распахнулась. На пороге возвышался атлет в камуфляже, черной балаклаве, с автоматом наперевес. Очень мило! Телефон выпал из рук Джульетты и силиконово плюхнулся на стол.

– Терешковой, восемнадцать? – глухо спросила черная балаклава. – Руки за голову! Телефон на стол.

– Он и так на столе, – механически проговорила Джульетта. – Да, это наш адрес. А вы к кому конкретно? Здесь несколько сотен фирм...

– Руки за голову!

Дуло автомата описало небольшую дугу. В остальном атлет был неподвижен.

Джулия заложила руки за голову и откинулась на спинку кресла, словно собиралась помечтать. В животе наметилось противное дрожание. Точно, без антидепрессантов уже не обойдется.

Пришлось внешне невозмутимо наблюдать за шмоном в кабинете. Из шкафчика и письменного стола были выброшены все папки, а ноутбук был с удовольствием изъят тщедушным бесцветным следователем. Кого-то он ей напомнил, очень известного, очень нездешнего, неуловимо обманчивого...

– Какая еще черная бухгалтерия? Я психотерапевт. Консультирую – веду предпринимательскую деятельность на упрощенной системе налогообложения. Уплачиваю единый налог. Чего же еще? Вот в рамочке свидетельство госрегистрации. Мой муж следователь прокуратуры, адвокат. Был...

До появления клиента она успела собрать разбросанные бумаги и почти смириться с потерей старого ноутбука Бориса. Обыск шерстил коридоры здания на всех этажах одновременно. Как говорили очевидцы и участники событий, тайфун «маски-шоу» унес практически всю компьютерную технику, кучу документов, даже пяток приглянувшихся кожаных кресел и несколько горсадовских* лубочных полотен из актового зала. Также улетучились многие телефоны. Правда, на скромную трубку Джульетты ни баллаклы, ни следователь не позарились.

Она набрала знакомый номер похолодевшими пальцами.

– Ну что ты хочешь, Юленька! Это же попытка рейдерского захвата офисного центра. Правда, не совсем удачная. Драка продолжается. Отжимают все, что плохо лежит. Понятно же, кто правит бал. Не беспокойся. Руководство на месте? Да? Хорошо, значит, есть у них шансы отбиться. Хотя... А база данных клиентов... Плохо, конечно, что ноут забрали, но истории твоих психов, поверь, никого не волнуют. Ты же отказываешься работать с серьезными людьми. Всё на свихнутой челяди специализируешься. Как твой муж, чес слово. А так бы, глядишь, крыша у тебя была надежная. Когда клиент надежный – обычно так и бывает. Я же ничем

---

* Горсадовский – купленный в торговом ряду Городского сада Одессы.

не могу, Юленька, хотя Борис был мне друг, и уважал я его сильно. Вот был человек великого достоинства...

Она не дослушала, имитировав собой связи ради приличий.

Джюльетта проглотила заветную таблетку, не дожидаясь вечера.

В воздухе что-то зрело. Днем и ночью с каждым часом распухало и все больше смахивало на метафизическую угрозу гибели небольшого обитаемого острова. Увы, никто не может предсказать цунами...

С августа прошлого 2011 года после недолгого затишья в Украине пошел новый всплеск рейдерства. Эксперты объясняют это тем, что, обосновавшись на местах, новые власть имущие разобрались, что приносит прибыль, и начали наступление на успешный бизнес. Правда, популярный некогда путь банкротства уступил место новой схеме. Сейчас в ход идет возбуждение уголовного дела через налоговую, ГУБОП или прокуратуру, фиксация менеджера предприятия или задержание собственника с дальнейшим предложением поделиться бизнесом. Не помогает даже депутатский мандат, который хоть и гарантирует неприкосновенность бизнесмену, но не уберегает членов его семьи от «наездов». Печально и то, что на данном этапе ключевыми в любом противоправном поглощении становятся органы государственной власти. Если с 2004 по 2010 годы было несколько центров влияния – и в прокуратуре, и в МВД, и в администрациях, что позволяло предпринимателям защитить себя, то сейчас выстроилась вертикаль власти и работает принцип одного окна как для предпринимателей, так и для получения контроля над предприятием.

Напомним: в президентских выборах 2010 года победил В. Янукович.

Из интернет-изданий

* * *

Гоша изменился сильно. Джюльетта его ни за что бы не узнала. Зато он узнал ее в кафе сразу, подошел, помялся, помямлил и неуклюже уселся напротив.

– Юлька! – только и мог воскликнуть он.

– Гоша?

Она тоже растерялась. Ей было неловко, что она его не узнала, не заметила издали, не успела сообразить, что к чему и как себя вести.

– Сколько лет...

– Ты красивая... Как раньше. А я – вот, – выпалил он и умолк.

Джульетта улыбалась и не могла избавиться от ощущения натянутости улыбки. Нужно было срочно изобразить искреннюю радость и не менее искренний интерес к судьбе этого импозантного маримана в белых, по-видимому бразильских, штанах. Она взглянула на щеточку его щегольских усов. Такие носили некоторые капитаны-китобои в прошлом веке. Вдруг ей взбрело в голову, что начни Гоша ее целовать, усы станут колотиться. Она засмеялась, а он просиял. Так мало нужно для радости.

– Слушай и не спрашивай. Я сама расскажу, что найду нужным, чтобы нам было проще. Да, я почти тридцать лет была замужем за Борисом, тем самым. Теперь вдова. Детей нет. Твоя очередь.

– Женат, сын и дочь. Взрослые. Внуков пока не дождался. Жену не видел года три – живет в Москве. Так вышло, – доложил Гоша.

Джулия поморщилась. Он насторожился, но продолжал:

– Сын приемный, всего на девять лет младше меня. Хороший парень, путевый, мы дружим. Он бобыль, я бобыль...

– А дочь?

– Что дочь?

– Дочь родная?

– А, да. Думаю да... Надеюсь да. Правда, она давно с мамой в Москве. А мы с Валькой тут вот, на Гагаринском плато расположились. Самый крутой райончик... Я по морям, по волнам, он – на берегу. Сухопутный он. Из наших окон море видно зимой и летом. Я-то им сыт по горло, а Вальке в кайф.

– Вальке?

– Сыну – Вальке.

Она кивнула и одним глотком допила свой кофе. Засобиравшись, думая, как бы не пригласить Гошу в гости и, к тому же, избежать приглашения к нему. Опасения оказались напрасными.

– Ладно, Юлька, я побегу, у меня завтра самолет. Под флагом ухожу. Месяцев на десять, не меньше. Дай мне номер на всякий – Вальке оставлю. До скорого.

Джулия обрадованно сунула ему визитку. Он, не глядя, спрятал ее в нагрудный кармашек и вразвалочку пошел по брусчатке Дерibasовской. Настоящий моряк, из раньшего времени, как говорят в Одессе. Она проводила его удовлетворенным взглядом. Думать и вспоминать о нем было гораздо легче, чем с ним беседовать.

Валька не преминул вскоре появиться на Джульеттином горизонте. И сразу принялся ухаживать напрапалую. Принялся уважать, ублажать и пускать пыль в глаза.

– Тебе сорок лет, а ты еще не понял, что далеко не все тетеньки склонны от тебя тащиться, – смеялась Джульетта, ставя букет в вазу. – Весь кабинет завалил цветами. Мне, конечно, приятно. Но если вдуматься, цветы – это всего лишь ампутированные органы размножения растений. Разве не так? К тому же я терпеть не могу менять в вазе воду, когда стебли начинают гнить. Заруби себе это на носу.

– Гоша поручил мне о тебе заботиться, – возражал Валька, развалившись в кресле и поигрывая ключами от автомобиля.

– Гоша странный. Тридцать лет я вполне обходилась без него. Правда, признаюсь, мой покойный муж вечно ревновал меня к гипотетическому Гоше. Но это – не в счет. Должен же он был как-то демонстрировать свою любовь.

– А ты любила мужа?

– Боготворила! – Джульетта зарылась лицом в благоухающие соцветия.

Валька был колоритным представителем одесского торгового люда. Оптовый рынок «Седьмой километр» проступал даже бисеринками пота над его пухлой верхней губой. Хорошее или плохое настроение напрямую зависело от почина и выручки за день, неделю, месяц, сезон. Он летал в Китай и считал пачки наличных долларов с ловкостью факира. Торговал оптом и в розницу, давал деньги в рост. Вкладывал в недвижимость, потом сдавал недвижимость в аренду, уклонялся от налогообложения и мечтал, чтобы ему за это ничего не было, пребывая в блаженной уверенности, что поступают по-иному лишь малодушные идиоты. Короче, крутил Валька золотое колесо бизнеса с задором и серьезностью молодого сытого хомяка.

Деятельный Валька заезжал за Джульеттой на работу почти каждый вечер. Она молча усаживалась на сиденье его модного внедорожника и молчала до самого дома. Все слушала говорливого Вальку.

– В детстве я был хилым и сильно худым, аж светился. Бабуля поила меня алоем с медом, чтоб не стыдно было от соседей. Распух я тогда быстро, но не от голода. Гхы-гы. Бабуля любовалась плодами своей любви, называла меня сладеньким алойчиком. Эти мне одесские бабушки... Меня так с тех пор и прозвали – Валька Алойчик. Прицепилось. Ну какой из меня алойчик? Алой зеленый и колючий, правда же?

– Алоэ очень полезный представитель тропической флоры... Очень полезный... И ты тоже, – задумавшись о чем-то своем, рассеянно утешала его Джулия.

– Хм... Я представитель тропической флоры? – недоумевал Валька.

– Нет... Ты просто полезный...

Для окружающих Джульетта была очередной, хотя и весьма нетривиальной пассией Вальки. Соперницы косились и любопытствовали, Джулия усмехалась и отмахивалась. От ценных подарков и романтически-коммерческих путешествий вдвоем отказывалась наотрез. Соглашалась только на дружеские встречи в кафе и морские прогулки на маленьком катере.

* * *

Кажется, совсем недавно, всего какой-то десяток лет назад, один клиент, страдающий гистрионическим расстройством личности*, долго объяснял Джульетте Михайловне, почему он голосовал за Януковича и голосовал бы впредь за этого дельного человека сто-пятьсот раз. Она слушала терпеливо и внимательно, как и полагается добропорядочному психотерапевту.

Вся семантика сказанного сводилась к завидному умению завгара работать, к абсолютной необходимости крепкой руки власти

---

* Гистрионическое, или истерическое РЛ, – расстройство личности, характеризующееся неутолимым желанием быть в центре внимания, склонностью к драматизации, театральностью поведения, экстравагантностью.

ради порядка в стране и к пресловутому кодексу чести блатных и приблатненных, прошедших через лишения и лихолетье. Слушая этот выпендренный бред, Джульетта думала, что истоки проблем клиента скорее всего кроются в непроработанном Эдиповом комплексе** и горячем, хотя и подсознательном стремлении идентифицироваться, примкнуть к какой-нибудь почтенной фигуре мужского пола. Еще у нее в голове крутилась злорадная мыслишка о падении этой фигуры в обморок в результате «яичного покушения» в 2004-м.

Тогда в ходе предвыборной гонки Янукович отправился в Ивано-Франковск, чтобы поговорить со студентами Прикарпатского университета им. Стефаника. Дружеского разговора не получилось – как только нарядно одетый политик шагнул из автобуса на франковскую землю, как тут же начал падать. Свидетели происшествия испугались за здоровье чиновника, но, как оказалось, напрасно. Виновником внезапного недомогания стало яйцо, брошенное студентом Дмитрием Р. Януковича увезли в больницу, а его соратники попытались спасти ситуацию – убедить всех, что в мужчину летели еще и другие, гораздо более тяжелые предметы. Впрочем, свидетелей было много, падение зафиксировали на видео, так что идея не сработала. Инцидент буквально обрушил рейтинг политика...

Из интернет-изданий

* * *

В памятном сентябре 2007 года Джульетта наконец дождалась открытия одесской оперы после долгой реконструкции. Театр открылся в новом блеске, в надежде на новую славу. Репертуар медленно, но верно набирал силу, обновлялась труппа, шла подкововерная борьба за кресло директора и художественного руководителя. Актеры и музыканты по обычаю соперничали, честно

** Эдипов комплекс – понятие, введенное в психоанализ Зигмундом Фрейдом, обозначающее бессознательное или сознательное сексуальное влечение к родителю противоположного пола и амбивалентные (двойственные) чувства к родителю своего пола.

или не очень. А по вечерам все вместе рождали музыку. Театр делал первый в новой инкарнации глубокий вдох. Эгрегор* оживал. Каждый месяц, а то и чаще, Джульетта бывала на спектакле. Дышала полной грудью, становясь частью эгрегора. Пуччини, Верди, Моцарт, Леонкавалло... По образу и подобию прежних времен Джульетта брала два билета. Чаще в ложу бенуар. Тяжелый обитый бордовым бархатом стул рядом оставался свободным. Бие-ние туттама Бориса заглушало звуки оркестра и пение хора. Зато в антракте в пустой барочной шкатулке ложи туттам возникал вторым дыханием марафонца.

* * *

С течением новейшего времени, порой турбулентным, порой ламинарным, соотносительные масштабы Джульеттиных представлений сильно изменились, сместились и перемешались. Если лет тридцать назад некая Маргарет Т. представлялась Джульетте глыбой воли и интеллекта, то теперь ферзи на шахматке планетарных широт и долгот сильно измельчали. К примеру, некая Ангела М. служила всего лишь китчевой декорацией для неведомого волшебника страны Оз, в существовании которого Джулия вовсе не была убеждена. В ряду картонажно-бумажных коней и слонов был всего один пупс из плоти – копченый, медлительный (несмотря на худобу) и чуточку inferнальный Барак Хусейн. Впрочем, не успела Джулия и глазом моргнуть, его сменил более веселый и гораздо более страшный Дональд почти Дак, добрый и мудрый до глубины космически бездонного кармана. Желтая пакля на тмени и гуттаперчевая гимнастика в Твиттере очень сближали этого мощного и непредсказуемого персонажа с зубастым рыжим клоуном из голливудского хоррора. (Но это гораздо позднее, практически под занавес дискурса.) Джульетта отчасти сочувствовала всем им. Очевидно, невероятно сложно доказывать свою весомость, приходится всего-то одной семимиллиард-

---

* Эгрегор, от др.-греч. *ἐγρηγορος*, «бодрствующий», в оккультных и новых (нетрадиционных) религиозных движениях – «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями группы (общности) людей и обретающий самостоятельное бытие; душа вещи (реликвии).

ной дробью населения планеты. Наверное, поэтому для Джулии восхищаться людьми с каждым годом становилось все труднее. Правда, были счастливые исключения. Например, воин и сенатор американец Джон Маккейн.

* * *

Ночная, беспощадно исполосованная светотенью комната... Борис, сидящий на краю кровати, слушающий, слышащий, редко спрашивающий, еще реже возражающий... Призрачно-душные объятия, горячие и гармоничные приливы океана Джульеттиных гормонов. Мизансцена не менялась годами. Остальное, дневное и контрастное, трансформировалось ошеломляюще легко и непринужденно, как новостная лента Фейсбука. Когда это началось? В какой момент сработал пусковой механизм ускорителя, когда рука кого-то беспристрастного добавила в реактивы взрывного катализатора немного, всего несколько миллиграммов в тритиевом эквиваленте?

В ночь на 8 августа 2008 года после обстрелов грузинских сел со стороны непризнанной республики, а также более ранних провокаций против официальных властей, в Тбилиси анонсировали восстановление конституционного порядка в самопровозглашенной республике. В результате наступления грузинской армии последняя заняла большую часть Цхинвали – главного населенного пункта Южной Осетии.

Однако Кремль прогнозируемо не захотел мириться с поражением пророссийских сепаратистов, и ВС России непосредственно вмешались в этот внутренний конфликт. Российские государственные СМИ обвинили Грузию в целенаправленном обстреле Цхинвали, и 7 августа войска РФ начали перебрасываться в зону конфликта, перейдя в контратаку на следующий день.

Во время прямого сухопутного вторжения российской армии в страну танковые бригады россиян вошли за пределы непризнанного образования Южной Осетии, вклинившись в Кодорское ущелье. Кроме того, Россия подвергла бомбардировке грузинские города, военные базы и объекты гражданской инфраструктуры, а также задействовала свои военно-морские силы.

Морская пехота Черноморского флота заняла главный порт Грузии Поти и уничтожила на рейде все грузинские катера и корабли, которые имели военное обозначение, включая суда пограничников.

Из интернет-изданий

Напали... Как во времена скифов или монголов. Что за хрень?

Генетическая женская боязнь приближающейся, грозящей бытию и быту войны (любимой забавы мужчин) давала о себе знать. Тогда в Джульетте по-южнолетнему буйствовали пацифизм и конформизм, угодившие в капкан ее архаичных страхов и стремлений. Гигантский подсолнечник невроза расцвел и окреп. Психотерапевт однажды утром понял, что ей срочно необходим совет психотерапевта. Однако первым вопросом более опытному коллеге был вопрос – не нападут ли на Украину, на Киев, Одессу – на дом? Паранойяльный, конечно, вопрос. Откуда, скажите на милость, ему знать? Он ведь не политолог и даже не президент. Глупо, инфантильно, депрессивно. Джульетте было немного стыдно, как в дни, проведенные под патронатом наставника-супервизора, когда ее перед началом самостоятельной практики подвергали психоанализу, сталкивая лицом к лицу с нелицеприятным из бессознательного пренатального* прошлого.

* * *

Первый инфаркт у Бориса случился вскоре после Оранжевой революции. Тогда, казалось, он никак не реагировал на апельсиновые протуберанцы в телевизоре. Не пел гимн в унисон с лидерами Майдана, держа руку на сердце, как это делала украдкой Джульетта. Но все же революция его изменила – добавила глуби-

---

* Пренатальное, или внутриутробное, развитие – это классический пример процесса созревания, в ходе которого в строго определенной и генетически закрепленной последовательности происходит превращение оплодотворенной яйцеклетки в новорожденного младенца. Период пренатального развития длится в среднем тридцать восемь недель.

ны морщин на лбу и укоризны в глазах. Джулия, охваченная беспокойством о его слабом сердце, спрашивала:

– Ну что такого? Ну не исключено, что будет у нас президент урка. Весело даже. Не вижу причин расстраиваться. Тем более после твоих афганских ранений тебе нельзя...

Борис хмурился, смотрел исподлобья:

– Урки должны сидеть на шконке, а не в президентском кресле. Расстраиваться мне нельзя... Разве во мне дело? Стыд и позор просто. Несолидно!

Когда в третьем туре выборов победил Ющ, Борис немного расслабился. А как только расслабился, на авансцену неуправляемым паяцем выскочил инфаркт.

В реанимации Борис шутил, что стал единственной жертвой самой бескровной революции. На этот раз действительно все прошло относительно бескровно, хотя с большим репутационным уроном – Ющ вскоре подписал Универсал**, а Бориса поставили на строжайший диспансерный учет.

Второй инфаркт, обширный и взбудораживший дремлющий до поры танатос**, настиг миокард Бориса в первые же сутки вторжения РФ в Грузию. Он прохрипел только:

– Новый Афган! – и упал без чувств.

Каждый раз, выходя из палаты интенсивной терапии, Джульетта думала о неровном вялом ритме его измученного сердца и ощущала сильную кинжальную боль в своей груди.

Джульетта всю жизнь побаивалась своих спонтанных синхроний и невольных пророчеств. И ассоциаций. А все, связанное с Михеилом С., как минимум настораживало. Начиная с восторженного кумовства с Ющем.

Михеил, крупный, дерганый, мятущийся, какими бывают своевольные, но зависимые люди, был частью магического купола Грузии, пока она оставалась целой. А было это до пятидневной

** Универсал – Универсал национального единства (Універсал національної єдності), политический документ, которым Виктор Ющенко внес на утверждение Верховной Рады кандидатуру Виктора Януковича на пост премьер-министра Украины.

*** Танатос – в греческой мифологии олицетворение смерти.

войны. Магия улетучилась через брешь непризнанных территорий. Купол сдулся, как воздушный шар. Сдулся и президент, почернел и подурнел. Стал еще более нервным, конфликтным и нелогичным. Таким же дезадаптированным и ожесточенным, как сарацин, он придет губернаторствовать в Одессу. С планами Наполеона, вернее, с рекламой планов Наполеона. Но это будет гораздо позже и не возымеет никакого значения. Рефлексии Джульетты по поводу Михеила сведутся к сожалениям о не оправдавшихся упованиях. Ей будет бесконечно жаль...

* * *

– А евреи продолжают отсюда уезжать, – сетует Валька. – Тоже задумался...

– Ехали во все времена, и не только евреи. Миграция... Рыба – где глубже. Да ты не совсем еврей, насколько мне известно, – смеется Джулия.

– Бабушка была. Бабуля Эсфирь, – ностальгирует Алойчик.

– Хочешь уехать? На землю обетованную? А как же твои гешефты? «Седьмой километр», а тем более недвижимость с места не сдвинешь.

– Такой хреновой торговли еще никогда не было. И никогда не было так сложно сдать квартиру или магазин приличным людям. Никогда еще гетто так не разрастались.

– Никогда не говори «никогда»!

Спустя несколько курортных сезонов платонической любви к Джульетте Валька завел новую любовницу из рыночно-деловых девиц с биопротезами ресниц, ногтей и предположительно груди. Теперь Джульетта ездила на заднем сидении его внедорожника. Никто не возражал.

* * *

Джульетта долгие годы лелеяла маленький личный культ романа Жоржи Амаду «Тереза Батиста, уставшая воевать». Долгие годы она не отваживалась перечитать его, только изредка брала замусоленную «Иностранку», листала и ставила обратно

на полку между томиком Рильке и альбомом Лувра, где старой театральной программкой была заложена репродукция картины Теодора Жерико «Плот Медузы», еще одного маленького личного кюльта Джульетты.

Когда Борис умер, а она еще не успела привыкнуть к его ночным посещениям, пришлось перечитать всю домашнюю библиотеку от корки до корки. Последней наступила очередь «Терезы».

– Амаду написал эту книгу про меня, – сказала Джульетта Борису.

Он согласно кивнул.

По-прежнему весьма недурственно звучат хиты «Океана Эльзы». Если, конечно, не вслушиваться в слова. Потому что порой их сложно разобрать из-за небольшого дефекта дикции (не фикции!) фронтмена группы Славы В. Джульетте нравятся их саундтреки, но на концерты она не ходит. Предпочитает возврат к Цою, к «Битлам», к «Смокам» в конце концов. К тому же активность Славы В., в том числе и политическая, несколько ее обескураживает. Когда он, открытый и радостный, говорит на каких-нибудь телешоу, его невроз невозможно не заметить. Но люди любят артистов, будь то невротики или даже психопаты.

* * *

– Привез тебе сумку. Шикарную. Копия бренда «Луи Виттон», на секундочку, – осторожно говорит Валька, целуя Джулию руку.

– Какой батон? – смеется она. Она искренне рада его видеть. – Золотой, как у Яныка в Межигорье?

– Ну вот что ты прицепилась к одним джинсам! «Седьмой километр» нам на что? Съездим – все, что нужно, прикупим. Опять откажешься? Ты какая-то неправильная девушка, – упрекает он.

– Эх, Алойчик! Жить надо налегке – батонны обременяют. Особенно золотые.

– Что же ты живешь на книжном складе? Налегке... Легко сказать.

– Не на складе, а в библиотеке. Две большие разницы.

Мода быстро меняется или не меняется вовсе. Джулия уверена, что совсем скоро снова войдут в моду нелепые широченные плечи и копеечные пластмассовые клипсы из восьмидесятых. А малиновые пиджаки настоящих мужчин из девяностых, по сути, из моды никогда не выходили. Просто их переокрасили для мимикрии и нашили новые лейблы. С точки зрения невыносимой легкости бытия джинсы надежнее.

* * *

Аборигены обитаемого острова (не ведающие истинной ценности своих недр, меняющие золотые самородки на пестрые иностранные бирюльки) жили, сроднившись с тремором ожидания очередного неприродного катаклизма. Они выбирали вождей и шаманов в зависимости от интереса к ним телеканалов. А провинциальных наместников – от количества детских площадок, асфальтированных придомовых тротуаров и продуктовых наборов из гречки и макарон на душу населения. Видимо, это снижало уровень их тревожности, убаюкивало и дарило иллюзию безопасности. Аборигены не были виноваты, хотя комплексом вины страдали все без исключения.

Тем временем остров дрейфовал, швартуясь то к одной, то к другой цивилизации. Большинство населения даже не ощущало этого, как не ощущало череды измен на капитанском мостике и грабежа сусеков и твиндеков*, превратившегося в доходный бизнес элитных боц-команд.

Потом аборигенам сказали, что свободного дрейфа больше не будет. Пора, мол, определиться с выбором. И выбор этот – полные кайнозойские берега ЕС. Великолепно! Аборигены одобрили выбор по умолчанию. И все сразу привыкли к нему. И стали ждать ассоциации, как манны.

Джульетте легкость выбора показалась подозрительной. Слишком все идеально складывалось. И твердолобому помазаннику, скачущему по пенькам, можно простить все на свете ради такого выбора? Да? Но так не бывает в нашей галактике.

* Твиндек – грузовые помещения в корпусе судна, межпалубное пространство внутри корпуса грузового судна.

Впрочем, Джульеттины сомнения разрешились в один миг, когда она узнала о местечке с архирадостным названием.

Всю неделю внимание украинских и даже зарубежных СМИ было приковано к событиям в райцентре Врадиевка Николаевской области. Когда двое милиционеров и местный егерь жестоко изнасиловали и избили до полусмерти 29-летнюю Ирину К., народ устроил настоящую революцию местного масштаба. Потому что достали: достал произвол «хозяев» в погонах, их безнаказанность, кумовство и стремление куражиться над простыми людьми.

Три дня двери райотдела милиции во Врадиевке были плотно заперты для «чужих» – милиционеры держали осаду. Теперь пройти можно только до «вертушки» – дальше путь преграждают вооруженные спецназовцы. Нарядами «Беркута» наводнен весь поселок.

В воскресенье, 30 июня 2013 года, когда весь поселок знал, кто и что сделал с Ириной, обвиняемый капитан милиции Д. расхаживал по улицам, покупал на базаре ягоды и с гостями жарил шашлыки. Это и стало искрой, вызвавшей взрыв народного гнева. Начались митинги, попытки штурмовать райотдел милиции, шум наконец-то дошел до Киева, и появилась надежда, что дело теперь не замнут. Осмелев от победы, люди в открытую рассказывали о том, как их били и унижали в милиции, как отказывались расследовать кражи и разбои, как облагали данью предпринимателей, как из невиновных делали преступников, а настоящих злодеев покрывали. На стол представителя МВД, прибывшего во Врадиевку, легло не менее 50 жалоб.

Из интернет-изданий

Итак, первое цунами протеста накрыло далекий от морского побережья поселок Врадиевку. Будто горячий гейзер прорвал земную твердь.

Джульетту охватило возбуждение такой пугающей силы, что она была вынуждена принять лошадиную дозу успокоительного на ночь. «Неужели началось?» – спрашивала она себя, засыпая. Не мудрено, что началось, ведь пружину нельзя сжимать до бесконечности. Напряжение не может копиться вечно.

Рано или поздно лопнет, выстрелит, взорвется. Глуп тот, кто этого не понимает.

* * *

Единственное, чего просила для себя Джульетта, – сохранности своего уютного узилища: старой квартиры, где слежались слои опыта на книжных полках, а затхлые запахи любви впитались в рыхлеющую мраморную крошку подоконников и дранку столетних стен. Если не будет этой квартиры, куда станет приходиться Борис по ночам? Не почувствует пути. Упаси бог, разорвется связь туттамов. Затихнет шепот мятежного прибоя, и даже ледниковое молчание штиля исчезнет.

Она давно и необратимо укоренилась, проросла в старинный черный паркет. Жилистые корни держали крепко. Но Джулия притерпелась к этой маленькой несвободе.

В остальном все было воздушно. Отжимать у нее было нечего. Домушников она опасалась, исключительно поскольку брезговала инородными нарушителями правил гигиены жилищ. По примеру какого-то советского писателя она оставила в прихожей записку: «Дорогие воры! В доме ценностей и даже полуценностей нет. Нажитые непосильным трудом ювелирные изделия в полной мере умещаются на мне, потому вам не достанутся. А денежные оборотные средства в этой тумбочке, в полезной раритетной брошюре «Трезвость – норма жизни». Прошу похитить и убраться без шума и пыли. Мытье полов я не люблю и гостей терпеть не могу. Так что – аривидерчи! Выпейте водки за свободу и мое здоровье. Ваша Джульетта Михайловна».

– Ну что за свобода без путешествий? – возмутился Алойчик.

– Я читаю, – тихо возражала Джулия.

– Ничто так не расширяет кругозор, как путешествия! Всем известно. Ты что, телевизор не смотришь?

– Я читаю.

– Хоть бы в Анталию на недельку. Я вырвусь, когда скажешь. На солнышко, а? Сколько я могу предлагать? На золотом песочке и считаешь, если так нужно.

– Я читаю на Ланжероне*.

– Тьху, заладила! Никогда у меня не было такой упрямой бабы! – хохотал Валька. – Но уважаю. Ты умная, стервь.

– Я читаю, – повторяла Джульетта без тени улыбки.

Свобода Алойчика глубоко скрывалась в его бабле. А бабло – в квартирах, офисах, в банк-ячейках, в азиатском товаре. Вся эта имущественная масса тревожила и тревожилась, жаждала преумножения, скрупулезного бухгалтерского учета и прогноз-ного финанализа. Кандалы бизнес-рутины обременяли хуже дюжины орущих детей. Получается, свобода скрывалась уж очень глубоко. Свобода Алойчику только снилась. Да и то редко. А за-висимость прогрессировала. Тут Джулия ничем не могла помочь.

* * *

Ни перманентный произвольный ночной спиритизм, ни грустную шутку Джулии в духе Блаватской о том, что Борис есть один из бестелесных и бессмертных махатм, учителей чело-вечества, – совершенно некому было оценить. Не рассказывать же об этом Вальке, озадаченному катастрофическим и неуклонным падением рынка в стране.

– Ты не ревнуешь меня к этому любезному парню Алойчику, родной? – беспокоилась Джульетта.

– Нет. Он никогда не найдет пути к твоему сердцу, мое солнце и звезды! – Борис тихо улыбался.

– Да брось! Почему это?

– В его голове только сладкая вата наживы. У вас здесь абсо-лютное несовпадение.

– Ты думаешь, Гоша другой?

– Гоша любил так, что нашел в себе силы тебя оставить.

– Теперь не любит. Разучился.

– Теперь и я разучился. Ревновать.

...У Джульетты, увы, никогда не получалось выплакаться на-подобие других девушек в кризисах. Раненная, она надолго

---

* Ланжерон – пляж в Одессе.

замирала, как обессиленный одинокий путник в пустыне. И пески словно поглощали ее слезы.

После похорон по дороге с кладбища она чувствовала себя как никогда наполненной Борисом. Вот и наступило-де время расцвета ее андрогинной сути, дремавшей с той самой пятой внутриутробной недели*, сути, вложенной безоглядно и очень давно в возлюбленного. Теперь все вернулось в родной кариотип**, в инкунабулу. Тут уж точно не до слез, не до жалости. Держись, вдова, и не забывай дышать хотя бы через раз. Сопrotивление бессмысленно. Да и сил на отпор себе самой почти не осталось. Такие дела...

Дома, в их старой квартире, куда она возвратилась с поминок, пахло болезнью Бориса, а значит, и Джульеттиной болезнью. Она распахнула студёные ноябрьские окна настежь, не раздеваясь. Затем, все еще не снимая пальто, спрятала подальше все его личные вещи. Кроме книг. Книги – общие, андрогинные. Или – ничьи.

Джулия подумала, что нечего цепляться за тотемы памяти о человеке, если он остается навечно в твоём нутре и, похоже, обещает быть в чем-то даже живее тебя. Но откуда ей было знать тогда о волнующей мгле грядущих ночных флуктуаций?

* * *

Между бунтом злосчастной Вradiевки и спонтанным отказом гаранта от ассоциации с Евросоюзом пронеслись тысячи чужих жизней. И одна из Джульеттиных. Всего за несколько месяцев.

К тому же невротизация доморожденного медиума (хотя медиумы не бывают другими), похоже, напрямую зависела от густеющей темпоральности*** бытия. И к ноябрьским студенческим протестам в центре столицы невроз достиг запредельности.

Джулия всегда плохо помнила даты. Но эта врезалась, вплавилась, въелась...

---

* На пятой пренатальной неделе определяется пол плода.

** Кариотип – совокупность признаков (число, размеры, форма и т. д.) полного набора хромосом, присущая клеткам данного биологического вида.

*** Темпоральность – разница между фактическим временем и его субъективным ощущением.

В ночь с 29 на 30 ноября 2013 года состоялся первый силовой разгон Евромайдана «Беркутом».

По версии следствия, которое проводила Генеральная прокуратура Украины, ночью на 30 ноября милиция потребовала освободить Майдан для того, чтобы подготовить его к празднованию Нового года. Участники протестов, находившиеся на площади, проигнорировали это требование.

Спецоперация, в которой было задействовано, по свидетельствам очевидцев, около 2000 бойцов «Беркута», переброшенных в Киев из различных регионов Украины, началась в 4 часа ночи. За час до этого на площади была заглушена мобильная связь. На площади в это время находилось около тысячи участников Евромайдана. Большинство из них подчинились требованиям покинуть площадь и вышли по коридорам, которые были им предоставлены, но человек двести остались на месте. По версии очевидцев и журналистов, на площади в этот момент находились в основном молодые люди – студенты вузов, по версии властей – провокаторы. В ходе силовой акции избиению сотрудниками «Беркута» подвергались даже девушки. Бойцы «Беркута» преследовали людей по Крещатику и прилегающим улицам вплоть до Михайловского собора, монахи которого открыли ворота и укрыли до двухсот окровавленных митингующих.

Депутат от партии «Батькивщина» Геннадий М., участвовавший в расследовании событий, которое проводила оппозиция, заявил в середине декабря, что задача по разгону палаточного городка была поставлена перед подразделениями «Беркута» из АР Крым, Полтавской, Черниговской, Сумской, Луганской областей и города Киева. Он также утверждал, что в ночь на 30 ноября беркутовцам выдали не резиновые дубинки, а пластиковые, гораздо более опасные.

Жестокие действия милиции спровоцировали перерастание небольших акций протеста в настоящую Революцию достоинства.

1 декабря около миллиона людей заняли майдан Незалежности. После этого конструкции, которые коммунальщики привезли для сооружения елки, манифестанты превратили в баррикады по периметру Майдана.

Из интернет-изданий

Беркутовцы на телеэкране не были похожи на птиц, скорее на поблескивающих хитином насекомых. Они били, валили дубинками на землю, не отпускали, догоняли и добивали. Сумеречная кровь студентов то и дело брызгала на зеркала забрал экзекуторов. Джульетта с ужасом подметила, что это был не разгон (при разгоне гонят прочь, чтобы духу не было), это была показательная порка, ритуальная и целеустремленная. Но об истинной цели лучше, пожалуй, никому никогда не узнать.

Снова был ноябрь, високосный по своей склочной природе.

* * *

Клиентка с генерализованным тревожным расстройством пожаловалась на беспокойство в связи с беспорядками на майдане Независимости в Киеве. Но сразу сделала оговорку, что ее несколько успокаивает абсолютная невозможность подобных происшествий в Одессе. Настоящие, мол, одесситы не позволят и не допустят! Виданное ли дело – загаживать родной город, и без того загаженный?

Джульетта, разумеется, не возражала, дабы не усугублять тревожность. Только лишь встревоженно подумала об опрометчивости безапелляционных суждений.

– Время быстрых перемен не подчиняется общеизвестной логике, ими руководит нечто иное, – сказал перед рассветом Борис. – Все что угодно может стать первым пузырьком в закипающем борще надвигающихся событий.

– Даже мой страх?

– Особенно страх. И отвага. И безрассудство. Они распространяются воздушно-капельным путем. Как чумка или эбола. А там – поди урезонь.

* * *

Ликующий ужас овладевал Джулией при виде колышущегося моря Майдана. Новогодняя пора приняла жовтоблакитную окраску. Континуумность и одновременная корпускулярность данной стихии не поддавалась осмыслению. Но антидепрессанты и ней-

ролептики в аптеках продавались круглосуточно, и дома имелся запас. С ними вполне можно было существовать – они сглаживали реальность и сводили ее к прозрачной броне телевизора.

– Трепет перед твоим появлением угасает. Не могу сказать, что довольна этим.

– Я здесь, с тобой. Об этом не волнуйся, моя Джульетта.

– А я все равно буду волноваться, буду! Вдруг ты не придешь однажды? И я останусь одна-одинешенька... Что я тогда стану делать?

– Совершенно ирреальный поворот ты спрогнозировала! Похоже, Майдан с его всеобъемлющей пляской святого Витта* действует.

– Думаешь, правильно то, что там происходит?

– А в чем состоит правильность или неправильность? Кому дано знать? Это происходит, и точка. Майдан не нуждается ни в чьих оценках или мнениях. Он есть, и есть всегда. Просто у него долгие сны. Сейчас он проснулся и жаждет черного и красного. Разве ты не видишь?

В новостных телепрограммах на всех каналах показывали происходящее на сцене Майдана. Там беспрерывно сменяли друг друга одни и те же лица и голоса. Чаще всего кулисы выталкивали оппозиционных политиков, до смерти напуганных революцией и достоинством, прибранных Майданом к народным рукам, и, невзирая на испуг, намеревающихся прибрать к рукам (которые, как водится, ничего не крали) Майдан.

Иногда Майдан выхаркивал на сцену кого-то случайного, запынающегося, простуженного и обнадеживающего.

Непосвященному или невнимательному наблюдателю могло показаться, что сцена, водруженная на майдане Независимости, – не только трибуна, но и маяк. Однако Борис был иного мнения.

– Не смотри на сцену, – велел он Джулии. – Смотри на лица в толпе. Их глаза – единственный индикатор и маяк.

– А как же Майдан?..

– Майдан... Долгий процесс. Нескончаемый. И никак нельзя его путать с шоу! Впрочем, show must go on.

---

* Пляска святого Витта – хоря.

– По-твоему получается, что сцена, на которую все молятся, не нужна?

– Отнюдь. Сцена – микроскоп. В него видны все политические продажности и зрады, все следы тупелек инфузорий. Но пока микроскопом забиваются гвозди.

– Тогда нужно смотреть в оба.

– Мало. Нужно видеть обоими.

* * *

Сотрудник Управления государственной охраны Украины Ризниченко раскрыл подробности бегства бывшего президента Януковича из страны в феврале 2014 года.

По словам Ризниченко, вечером 21 февраля 2014 года, спустя несколько часов после подписания соглашения с лидерами оппозиции об урегулировании политического кризиса, Янукович из своей резиденции в Межигорье вылетел вместе с охраной на двух вертолетах в неизвестном направлении.

Утром 22 февраля Янукович уже находился в Харькове, где должен был принимать участие в «съезде Партии регионов». «Но это мероприятие отменили, и после обеда Янукович кортежем выехал в аэропорт Харькова», – заявил Ризниченко. (Тогда же в Харькове состоялся съезд депутатов юго-восточных регионов Украины и Крыма, на который Янукович не явился.)

Оттуда президент, по словам Ризниченко, двумя вертолетами вылетел в неизвестном направлении. По пути экипажу было передано требование нового председателя Верховной Рады Александра Т. вернуться в Харьков, однако пилоты сообщили, что для этого не хватит горючего. Вертолеты сели в Донецке.

Там Янукович и его охранники сели в самолеты типа Falcon, однако не успели вылететь: представители государственной пограничной службы заявили, что вылет запрещен, потому что не оформлены соответствующие документы. После этого президента пересадили в машину и перевезли в особняк в Донецке, где он провел встречу с олигархом Ринатом А. Вечером отстраненный от власти глава государства и его охрана на автомобилях двинулись в сторону Крыма.

Возле города Бердянск в Запорожской области кортеж подъехал к сельскохозяйственному полю. «Осветили поле фарами, и буквально сразу на него сели три вертолета Ми-8. На фюзеляже была изображена красная звезда, а неизвестные пилоты были в спецнаряжении, без шевронов или нашивок. Думаю, что это были вертолеты Российской Федерации», – сказал Ризниченко.

Янукович и сопровождающие его люди отправились на вертолетах в Крым, сделав техническую остановку в Краснодарском крае. 23 февраля в Ялте Януковича встретили российские военные, затем его привезли на базу Черноморского флота России в Казачьей бухте.

Бывший охранник утверждает, что Янукович предложил охранникам улететь с ним, на это ответили согласием более десяти человек. Сам Ризниченко и несколько его коллег отказались, а утром 24 февраля он отправился в Киев. Последний раз он видел бывшего главу государства на плацу около Севастополя вечером 23 февраля.

Янукович был президентом Украины с 2010 по 2014 год. После смены власти в результате Евромайдана – массовых протестных акций в Киеве и других городах – он покинул страну. В отношении бывшего главы государства возбуждено несколько уголовных дел, его имущество на территории страны арестовано.

Из интернет-изданий

Шок от позорного и внезапного бегства гаранта держался неделю. Джульетта боролась с паническими атаками, сменяющимися апатией. Самоанализ показал, что причиной аффекта послужило не само бегство первого лица разболевшейся страны, а какие-то давние инфантильные травмы пациентки.

Ночами Борис по большей части молчал, слушал и гладил ее по голове. Как мама. Правда, мама бросила это занятие сразу после рождения младшей сестры. Нельзя сказать, что маминой руки так уж не хватало Джулии. А вот потери руки Бориса она боялась со страшной силой.

* * *

20 февраля вернулся «из-под флага» незнакомый и родной Гоша (о нем столько было рассказано Алойчиком – теперь Джулия знала всю его незатейливую жизнь).

Он явился в офис к Джулии – загорелый и застенчивый. Она обняла его поспешно, усадила в любимое Валькино кресло, а сама вернулась к монитору и опять влипла в него всеми фибрами.

– На Майдане убитые! Снайперы стреляют! Уже больше двадцати смертей! – только и сказала.

Гоша ждал смиренно около часа, потом тихонько вышел.

– Сама не своя последнее время? – говорил он с Алойчиком по телефону. – Та я в коридоре... Забрать невозможно... Какой ресторан, ты чего? Я заикнулся, а она только шипит... Ну приезжай, может, у тебя получится...

Но отвлечь Джульетту от майданного стрима не получилось и у Алойчика.

Еще 16 февраля ничего не предвещало трагедии. Наоборот, при активном посредничестве стран Запада власть и оппозиция начали делать маленькие шаги навстречу друг другу. Так, майдановцы передали властям здание Киевской горадминистрации, а силовики сняли кордоны на Грушевского. Тогда многим казалось, что стороны близки к компромиссу, который рано или поздно будет достигнут.

Но уже 18 февраля все резко поменялось. В этот день должна была собраться Верховная Рада. Майдановцы рассчитывали, что она вернет Конституцию 2004 года (сузив полномочия президента). Видимо, для того, чтобы депутаты быстрее приняли это решение, к Раде потянулись колонны «самообороны», которые вскоре почти полностью заполонили правительственный квартал. Параллельно был захвачен и подожжен офис Партии регионов на улице Липской. В ходе пожара погиб один из его сотрудников.

В это время стало понятно, что в Раде никаких решений принято не будет, так как большая часть депутатов, опасаясь штурма парламента, его покинула.

Обстановка накалялась. Протестующие забрасывали силы МВД камнями, пытались прорваться к Раде. Позиционные бои продолжались примерно до 14:00. В это время силовики получили приказ очистить

правительственный квартал от майдановцев. Несколькими колоннами, обильно используя светошумовые гранаты и нещадно применяя дубинки, «Беркут» вместе с Внутренними войсками и титушками ударили по самообороне. Майдановцы после короткого сопротивления побежали вниз по Институтской. Аналогичный удар был нанесен по протестующим на Грушевского. С аналогичным результатом.

Уже ближе к вечеру территория под контролем протестующих сузилась собственно до Майдана и части Крещатика. К тому времени появились первые погибшие с обеих сторон (в том числе и от огнестрельных ранений). Руководители МВД, СБУ и Генпрокуратуры выступили с совместным ультиматумом к Майдану с требованием сложить оружие и разойтись. Все ждали окончательной зачистки.

Но вместо этого начались позиционные бои. «Беркут» и Внутренние войска заняли часть Майдана, а спецназ «Альфа» – Дом профсоюзов (который вскоре загорелся при непонятных обстоятельствах). Дальше продвинуться не удалось – протестующие подожгли шины, а приказа применять огнестрельное оружие, как потом утверждали силовики, они не получили.

Также 18 февраля на Западной Украине протестующие захватили здания правоохранительных органов, в том числе и склады с оружием.

На следующий день, 19 февраля, позиционное противостояние продолжилось.

Правда, в СМИ прошло сообщение, что СБУ объявило о проведении в Киеве антитеррористической операции. Однако вскоре оно было дезавуировано – мол, только началась подготовка к ней. К тому времени со стороны Януковича (с которым, как сообщалось, успели плотно пообщаться представители Запада) прозвучали заявления о необходимости нового перемирия. 20 февраля в Киев должны были прилететь главы МИД Германии, Франции и Польши, которые вместе с властью и оппозицией сели бы за один стол и договорились о некоем компромиссе.

Поздно вечером 19 февраля Янукович встретился с лидерами протеста – Яценюком, Тягнибоком и Кличко. Оппозиционеры, выйдя из Администрации президента, заверили, что штурм не будет.

Вновь забрезжила надежда, что все удастся закончить миром.

Тем неожиданнее стало произошедшее утром 20 февраля – стрельба на Институтской. Рано утром по позициям силовиков со стороны

позиций сторонников Майдана был открыт огонь из огнестрельного оружия. Появились убитые и раненые. Не имея при себе огнестрела, «Беркут» и Внутренние войска начали отступать, практически бежать, спасая свои жизни. Вслед за ними устремились майдановцы, продвигаясь вверх по Институтской в сторону Администрации президента. Именно тогда и началась плотная стрельба по наступавшим, которых буквально поливали огнем. Людей расстреливали методично, и железные, а тем более фанерные щиты, разумеется, не могли защитить их от пуль.

Всего за несколько часов погибло более 50 человек.

Уже на следующий день после бойни под нарастающим давлением Запада, шокированного массовой гибелью людей, Янукович подписал соглашение с оппозицией о проведении внеочередных выборов и возвращении к конституции 2004 года, которая лишает президента львиной доли полномочий. При этом сам Янукович оставался на своем посту, а очередные выборы должны были пройти осенью 2014 года. Правительственные войска выводились из центра Киева.

Это был компромисс, который, однако, не понравился Майдану. 21 февраля, выступая со сцены, сотник Парасюк заявил, что Майдан не приемлет никаких соглашений с Януковичем, и президент должен быть свергнут. После этого Янукович спешно покинул Киев. А 22 февраля Рада его отстранила от власти. О соглашениях 21 февраля к тому времени уже никто и не вспоминал.

...За эти дни, по данным Минздрава, были убиты 82 человека. Среди них 71 протестующий и 11 правоохранителей. Пострадало еще по меньшей мере 622 человека.

Из интернет-изданий

Убийственный день 20 февраля 2014 года закончился тяжелой бродячей ночью. Джулия шаталась по городу, не обращая внимания на стоны и просьбы сопровождавших ее Гоши и Вальки. Правда, часа в три она сжалилась и позволила отвезти себя домой. Прогулка оказалась изнуряющей, но целебной, – Джулия рухнула на диван и моментально отключилась.

* * *

Одесские митинги и вече бледненько копировали киевские. И европротесты, и антиевропротесты той зимы сгустились в двух эпицентрах – у памятника Дюку на Приморском и на Куликовом поле у Дома профсоюзов. Кстати сказать, глядя новости о пожаре в киевском Доме профсоюзов, Джульетта подумала об одесском в том же чрезвычайном ключе. И сама испугалась своего пророчества. Но об этом – позднее.

А пока Одесса разделилась на сторонников Майдана и его противников. У Дюка в основном кучковалась непримиримая молодежь, украиноговорящие, творческая интеллигенция и представители самого малого бизнеса. На Куликовом контингент был качественно другим, резко отличавшимся агрессивной религиозностью, совковой ностальгией и ватными бабушкиными шапочками.

Психотерапевту Джулии Михайловне разобраться в собственных мыслях и эмоциях было так же трудно, как Юльке-школьнице заполнить контурные карты по истории и географии в средней школе. Разложить бы страхи и желания по ячейкам этой колоды. И обвести границы с соответственным нажимом, чтобы не вырвались из бессознательного и не мешали жить. А остались бы для следующих или параллельных вариантов существования.

Борис приходил реже, но всякий раз оставался до утра и говорил, не дожидаясь вопросов:

– Это война, душа моя. Любая революция – лишь ее разновидность или этап. Я видел войну, я знаю. Она питается трусостью, безволием, глупой верой, упрямством, невежеством, заблуждениями. А еще – доблестью и бесстрашием. Война всеядна, да будет тебе известно. Люди зажаты между шимозой* и шизой. А в затылок дышит война. Она ценит людей даже больше, чем сокровища. Нищие, втоптаные в грязь сокровища. Убитые на Майдане бунтари, поверившие в неправильных богов, не стерпевшие оскорбления, не отринувшие гордыню и достоинство, – для нее, для войны, всего лишь потерянные на дороге медяки. В любом случае народ – проигравший победитель. У нас здесь, как в общежитии без коменданта: все либо ненавидят, либо

* Шимоза – вид взрывчатки.

равнодушны друг к другу, а кто сбегает прочь – предатель, которого не в чем упрекнуть. А эrogenная зона у всех – карман. И любим, только когда нет выбора. Выбор... Выбор нации... Что это такое? Все в конечном итоге упирается в выбор отдельного человека или чертовой уймы отдельных людей. Представь себе – мы близки к благородной победе. И вдруг – хлоп! – кто-то выбирает жизнь, покой, добробут. Потом другой, третий, десятый, сотый... И все идет прахом! Присмотрись – и увидишь: все теребят свой карман – для удовольствия, убедив себя, что ради дела. Да, их не в чем упрекнуть. Им нравится шелковая пижама и аромат утреннего кофе, только и всего.

* * *

Весна не могла не радовать. Но в театр Джульетта ходить перестала – как отрезало. Борис не возражал.

Протесты и протестующие преобразились и переместились. Хорей революции крепчала, локализуясь на востоке, вспыхивая и взрываясь поочередно в Харькове, в Донецке, Луганске. Майдан побеждал в столице, на периферии поднимал голову Антимайдан. У веселых ребят, водружающих там триколоры, был врожденный московский говорок.

К тому же март 2014-го заставил Джулию припомнить былое. Джульетта никогда не ездила в Крым. Ни сама, ни с Борисом. Бывала лишь в детстве с родителями. Запомнила картинки Ласточкина гнезда и Бахчисарая, гирлянды из синего лука на базаре, неестественную колючую русскость Севастополя, удушье Панорамы* и неутолимую жажду – жестоко хотелось пить и домой.

Давнишние и свежие рассуждения прессы о пребывании Черноморского флота РФ в Крыму не формировали у Джулии устойчивого мнения. Между тем она недоумевала, какие могут быть арендные отношения по поводу украинской земли и моря для военных целей. Борис же бывал чрезвычайно возмущен наглостью арендаторов. Когда Джульетта думала так же, ей казалось, что она просто транслирует его мысли.

* Севастопольская панорама – панорама «Оборона Севастополя» – музей-панорама, посвященный первой обороне Севастополя в Крымской войне 1853-1856 гг.

Все их разговоры касательно данного предмета выплыли из лабиринтов гиппокампа** с появлением людей цвета хаки на полуострове.

Джулия смотрела в ненавистный экран телека и не верила глазам. Снова насекомые, только другого вида. Еще более откормленные. Предположительно – каннибалы. С довольными широченными ртами и подслеповатым щекастым прищуром.

Репортажи оттуда поначалу оставались на втором плане. Вести со всех румбов прилетали с такой частотой, что самым нормальным было привыкать. Привыкали. Джулия в том числе.

Зато аннексия грянула громом, от которого не спрячешься. Такое привычкой было не одолеть.

Действия северного соседа напоминали ограбление во время похорон. Пока Украина оплакивала убитых протестующих, Кремль без сомнения начал воплощать в жизнь подлую кражу Крыма. Именно воплотить, подготовка длилась уже давно. Путин только выжидал подходящий момент.

18-21 февраля 2014 года стали последними днями Евромайдана, последними днями Януковича и К^о у власти и последними днями украинского Крыма.

Из интернет-изданий

* * *

Не так давно Джулия все же приняла от Алойчика презент. От традиционного китайского платья ципао она не в силах была отказаться. Оно было шелковым, прекрасным и черным. С элегантно стойкой как раз для высокой шеи. И удачно скрадывало несколько располневшие Джульеттины бедра. К нему подходили любые украшения, даже их отсутствие. Но самым большим его преимуществом было то, что в самые трудные дни, когда накатывала волна депрессии и было

** Гиппокамп – часть лимбической системы головного мозга. Участвует в механизмах формирования эмоций, консолидации памяти.

совсем не до создания образа, платье оказывалось под руками. Любило оно хозяйку, и всё.

– Теперь она всю дорогу в этом платье, – ворчал Алойчик. – Нет, мне, конечно, приятно. Мой подарок и все такое. И вообще хорошее платье...

– Подарю ей тоже что-нибудь, – нерешительно решал Гоша.

– Что? А возьмет? Наивный.

Гоша пожимал плечами и сникал.

Он частенько навещал Джулию в обеденный перерыв. Они шли в кафетерий офисного центра и сидели, почти не разговаривая. Потому что говорить было не о чем. Не спрашивать же о личном. Впрочем, все главное было давно известно. Джульетта испытывала чувство вины и неловкость за неустроенность Гоши. Словно не было тридцати прошедших врозь лет.

– Хороший Гоша, но какой-то несчастливый, – рассказывал ей Валька. – Мать работала с ним на «Нахимове»* официанткой. И тонули, и выплывали вместе. Потом, когда ты его турнула, он к нам и прибился. Ходил, ходил, дружил, да так и остался. Только надо знать мою матушку – одним словом, стервь, каких не видно. И не потому что старше его. Просто характер – любого за пояс заткнет.

– Заткнула... – сожалела Джульетта.

– Выжала его, как лимон, и бросила, когда пожирнее баклан подвернулся. К нему укатила.

– А Гоша знает?

– Да знает... Пожалела бы ты его.

Джульетта жалела, ходила с ним пить кофе. Если бы пригласил еще куда-нибудь, пошла бы непременно. Но он не приглашал. Сидел, смотрел и тихонько вздыхал. И вот однажды весной отважился:

– Я тут на Куликовом поле случайно был. Проходил мимо как-то... Может, прогуляемся туда, в палаточный городок. Люди дело говорят.

---

* «Адмирал Нахимов» – советский пассажирский пароход. В течение 29 лет совершал круизные рейсы по Крымско-Кавказской линии. 31 августа 1986 года в 23 часа 20 минут потерпел крушение в 15 км от Новороссийска и 4 км от берега. Погибли 423 из 1234 человек.

– Что, по-твоему, дело? Одесская народная республика, которую там требуют провозгласить? На какую голову это налезет? – Джульетта почувствовала, как кровь прихлынула к лицу. – Не ходи туда! Что-то подсказывает мне – плохо закончится.

– Хорошо, не пойду. Не волнуйся так. Я просто из любопытства... Мне все равно скоро в рейс.

Но в море Гоша больше не вышел.

* * *

Весна крепчала. Приближались маевки. Приближался большой футбол в Одессе.

Джулия терпеть не могла футбол. Игра казалась напрочь лишённой смысла. Кроме того, ее пугал фанатизм некоторых болельщиков. Но если бы дело было в одном футболе! Сторонники русского мира тоже проявляли недюжинный фанатизм.

Короче, солнечный день 2 мая стал днем фанатиков. Правда, среди них затесалось достаточно провокаторов, местечковых патриотов и просто прохожих. Но – все по порядку.

Ближе к полудню Джульетте позвонил Валька – велел отправляться домой и не высовываться.

– Я дома, как всегда в выходной день. Где Гоша? – спросила она.

– Где, где... На Куликовом наш активист, чтоб его раздавило! – выпалил в сердцах Алойчик. – Не смог я его удержать. Сказал, что не должен оставлять каких-то ребят. В центре беспорядки, противостояния, бардак и неразбериха. Оружия полно и коктейлей Молотова. Как бы стрелять не начали.

Джулия обомлела.

2 мая 2014 года в 15:00 сторонники Евромайдана совместно с болельщиками футбольных клубов «Черноморец» и «Металлист» планировали организовать марш «За единство Украины», для чего собрались в центре города на Соборной площади.

...В 16:10 появилась первая жертва: пулей в живот был смертельно ранен десятник «Правого сектора» Игорь И. (от полученного ранения он умер в больнице). Спустя несколько минут (16:21) пулей в легкое убит

самооборонец Андрей Б. (он скончался на углу ул. Дерибасовской и Преображенской до приезда «скорой»).

Появились жертвы от огнестрельных ранений и среди антимайдановцев.

Вечером в Доме профсоюзов на Куликовом поле (где постоянно располагался палаточный городок и штаб Антимайдана) вспыхнул пожар.

Всего на 14 мая 2014 года подтверждено 48 смертей в результате столкновений на Греческой улице (тут погибло шестеро) и на Куликовом поле.

Из интернет-изданий

Гоша выпрыгнул из окна, спасаясь от огня, и разбился. В реанимации он лишь однажды пришел в себя, да и то ненадолго. Джулия была рядом.

– У Алойчика ключ от моей ячейки. Там деньги. Подели поровну. Тебе и моей дочке. Обещаешь?

Она всплакнула, но обещала.

Они с Валькой сдавали кровь несколько раз. Для Гоши. Больше не успели. Его сердце остановилось на третьи сутки.

Валька Алойчик взахлеб рыдал, звонил матери, матерился в телефон. Джулия ласково похлопывала его по плечу, целовала в лоб, отпаивала корвалолом, вытирала слезы и нос салфеткой. Так было легче. К тому же вытирать ее слезы все равно было некому.

* * *

А в июне Алойчик скоропостижно женился. Джульетта была приглашена на бракосочетание, но не пошла. Сочла неприличным появиться на торжестве в черном платье ципао. Потом долго мучилась угрызениями совести.

– Прости, что не пришла, – наконец решила она на звонок.

– Не бери в голову, Михална. Не стоит того, – обрадовался Валька.

– Совет да любовь...

– Какая любовь, я тебя умоляю. Это так, шоб не быть одному. Сына хочу, наследника. Не хочу, как Гоша... Да и ты вся одинокая...

– Я не одинокая, – отрезала она.

С тех пор ничто не могло отвлечь ее от Бориса. Он приходил, ложился рядом с Джульеттой, обнимал невесомо и крепко. И она обретала покой.

– Гоши больше нет.

– Его давно нет, ты разве не заметила? В любом случае мне жаль.

– Он просто запутался, заигрался. А я прозевала. Нет мне прощения!

– Не ругай себя. Ты и сама запуталась. Немудрено.

– Что теперь с нами будет?

– Война, я же тебе говорил. Война всегда случается, когда гребаная геополитика берется за обывателя.

– Кому война нужна?

– Многим. Тем, кто вцепился во власть. И находится всецело в ее власти. Имя им – легион. Легион обрекающих и обреченных. Синдром cupiditas – смертельная болезнь, когда черная дыра в человеке столь глубока, что ее не могут заполнить никакие деньги, никакие ценности, сколько ни бросай. А бросать приходится, поелику дыра алчет. Все, что существует за границами дыры, ценно лишь при возможности немедленного поглощения. Мгновение ужаса и наслаждения следует за ним. Затем черная дыра алчет вновь, и пуще прежнего. И так до бесконечности.

– Страшно...

– Не стоит бояться чужих черных дыр. Только своих, только своих!

* * *

Джулия никогда не была на Майдане. Но ее ноги узнавали его булыжники или раны, откуда булыжники вырвали. Раны болели и кровоточили при каждом шаге.

Они брели по Майдану с Борисом почитай каждую ночь, в самый темный предрассветный час, преодолевая ярд за ярдом. Им нужно было дойти.

Борис держал ее за плечи во время душных панических атак, наступающих в толпе широких спин и затылков протестующих. Она чувствовала сквозь зыбкий сон напряжение каждого их мускула, силу их охрипших горл, возбуждение их натянутых ганглий.

Она боялась снайперского выстрела в шею. Потому что пластмассовая каска и фанерные доспехи дарили слишком иллюзорную неуязвимость стопудовой головы и сдавленной груди. И она боялась за тоненько пульсирующую сонную артерию, куда ненароком может попасть пуля. Как попала девочке-фельдшеру из вчерашнего репортажа. Чем она лучше этой истекающей черно-красной кровью девочки? Джульетта тоже фельдшер...

Атака стихала, но мысли еще путались. Впрочем, чего можно ожидать от мыслей во сне? Борис вел ее за собой. Пред ним раступались ссутулившиеся спины. Он шагал уверенно, она семенила за ним. Задыхалась от темпа или от страха. Туттамы громыхали в утробах казачьих барабанов. Или сразу во всех головах.

Край Майдана был скрыт камуфляжем, балаклавами, пламенем Молотова, сажей покрывшек. До края Майдана было далеко. Невыразимо далеко.

– Переведи меня... Переведи... – бормотала Джульетта сквозь сон.

